

СВЕТСКИЕ

ВЕДОМОСТИ

L'UNIQUE JOURNAL

ГАЗЕТА ИЗДАЁТСЯ НАПИ "БЕЛОРУССКАЯ ЗВЕЗДА"

№ 3 (11). 1990

М. ГОРБАЧЁВ: "ЭТА ЖЕНЩИНА ОБХОДИТСЯ МНЕ ДОРОГО."

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ "НОМЕНКЛАТУРИЮ"

МАТЕРИАЛ О
СУПРУГЕ
ПРЕЗИДЕНТА
ЧИТАЙТЕ НА 20 стр.

Начнём с зарплаты — основы основ существования советского гражданина.

Средний статистический советский рабочий и служащий получает 182 рубля в месяц. Зарплата завсектором ЦК 450 рублей в месяц. Один из 12 месяцев в году он проводит в отпуске /отпуск в ЦК 30 дней + дни, затраченные на проезд к месту отдыха и обратно, отпуск для рядового трудящегося — 12 рабочих дней в год/. Уходя в отпуск, завсектором получает не только двенадцатую, но одновременно и тринадцатую зарплату — дополнительно 450 рублей якобы "на лечение". Однако ни на лечение, ни вообще на отпуск он никаких денег не тратит. Ему дается бесплатная месячная путевка в санаторий ЦК или Совета Министров. Путевки в тот же санаторий предоставляется со значительной скидкой его супруге, а детки отправляются в отличный пионерский лагерь ЦК. Значит, фактически 13-месячная зарплата завсектором раскладывается на 11 месяцев в году. Получается 531 р. 80 копеек в месяц.

Это не всё. Завсектором имеет "кремлёвку" — гордость удачливого номенклатурщика. Это — талоны на якобы "лечебное питание", но выдаются они не по болезни, а по номенклатурной должности. На каждый день полагается 3 талона: завтрак, обед и ужин. Однако почти все обладатели "кремлёвки" предпочитают брать полагающиеся им продукты в виде паёка, во всяком случае за завтрак и ужин. Паёк состоит из набора самых первоклассных продуктов, которые ни в каких магазинах Москвы нельзя достать. Паёк отпускается в Кремлёвской столовой на улице Грановского, дом 2, а также в Доме правительства, в закрытом распределителе по ул. Серафимовича, дом 2. Американский журналист Хедрик Смит в своей книге "Русские" очень точно нарисовал картину разъезда номенклатурных чинов и их жён, торопливо выходящих из некачественной двери со стеклянной табличкой

"Бюро пропусков". Выходят они с пухлыми свёртками в коричневой бумаге и садятся в ожидание их лимузины.

Завсектором ЦК получает кремлёвских талонов на 90 рублей в месяц. Но это — не обычные 90 рублей. Дело в том, что цены на "кремлёвку" исчислены по прейскуранту 1929 года. Не ошибаясь в таких вопросах номенклатурщика подчитали, что продукты завсектором выдаются примерно на 300 рублей в месяц по существующим ценам, — значит, ещё 3600 рублей в год, опять раскладываемые на 11 рабочих месяцев.

Подведём первый итог: завсектором ЦК получает фактически 860 рублей в месяц — почти в пять раз больше, чем средне-статистический рабочий и служащий.

Добавим, что если завсектором владеет хотя бы весьма скромно каким-либо иностранным языком, он получает 10% надбавки к зарплате — "за знание и использование в работе иностранного языка", даже если знание сомнительно, а использования вообще нет.

Это ещё не всё. Помните из предыдущей главы понятие фактической заработной платы? Так вот фактическая заработная плата завсектором равна его номинальной заработной плате. У обычного же советского гражданина фактическая заработная плата значительно ниже номинальной. Определяется это тем, что завсектором покупает в спецбуфете и спецмагазине

все товары, которые ему нужны, а обычный гражданин — лишь то, что он ухитряется достать в скудной торговой сети. Выразить такую разницу в процентах можно было бы, только имея цифровые данные о средней степени обеспеченности рядового советского населения потребительскими товарами. Эти цифры составляют в СССР государственную тайну. В Москве, Ленинграде, Новосибирске, в столицах союзных республик и ещё в паре городов, куда допускаются иностранные туристы, обеспеченность потребительскими товарами заметно выше, чем по стране в целом.

Оценим фактическую разницу в зарплате завсектором ЦК и среднего трудящегося как 10:1. Ошибка здесь, вероятно, есть, но только в сторону занижения реального соотношения.

так, получает завсектором в 10 раз больше, чем обычный человек. Но, вероятно, с него и подоходный налог неизмеримо выше? Ведь так принято по установленной в развитых капиталистических странах системе прогрессивного налогообложения.

Нет, советское налогообложение ещё более прогрессивно, а потому весьма либерально именно к зажиточной верхушке общества. Завсектором платит подоходного налога 13%. Такова высшая ставка налога на трудовые доходы; она взимается с зарплаты от 200 рублей в месяц и выше. На окладе в 200 рублей принцип прогрессивного налогообложения в Советском Союзе заканчивается, здесь почему-то торжествует уравниловка.

Сталин завёл для своей номенклатуры ещё одну, совершенно уж нелегальную выплату — так называемый "пакет". Помимо зарплаты кассир приносил в кабинет номенклатурному чину зарегистрировавшуюся в спецведомости пачку денег в конверте. Пачка не обязательно была толстой.

"Пакет" был до такой степени негласным, что с него даже не платились партвзносы. После смерти Сталина эту похожую на взятку выплату отменили, заменив другими благами.

Термин этот употреблялся до недавнего времени, а теперь заменён выражением "общественные фонды потребления". Речь идёт о бесплатных и льготных путёвках в санатория и дома отдыха, о предоставлении квартир, об отправке детей в ясли, детские сады и пионерские лагеря, о столовых, больницах и поликлиниках. Долю среднестатистического рабочего и служащего в получении всех этих благ исчисляет ЦСУ СССР, с милой наивностью исходя из того, что они делятся поровну между всеми и вдобавок предпочтение отдаётся наименее обеспеченным. В итоге на долю статистического трудящегося начинают приходиться места в санаториях ЦК, Совмина и КГБ и даже некая часть площади госдач. Однако реальному трудящемуся в СССР известно, что его туда и близко не подпускают.

Прежде всего это — гонорары за статьи, книги и выступления. Рядовой советский автор может писать, как Лев Толстой, но пробиться ему в печать будет трудно. На каждого автора в любой редакции заполняется так называемая авторская карточка с указанием партийности, национальности, образования, должности и места основной работы. Я сам был редактором и заполнял такие карточки. Установка проста: печататься должны предпочтительно члены КПСС, русские /могут и националы, но очень нежелательны евреи/, с высшим образованием, а ещё лучше — с учёными степенями, и, конечно, совсем идеально, если автор занимает номенклатурную должность. Если же вдобавок место основной работы ЦК КПСС или другой партийный орган, то автор может писать любую белиберду — за него всё будет переписано, представлено ему с благодарностью на подпись, и будет выписан гонорар по высшей ставке. И этим, а не особой одарённостью номенклатурных чинов, объясняется то, что все они пишут статьи, а многие из них выпускают даже книги. Показательно, что наивысшие гонорары платят в СССР именно партийные органы печати: ни в одной газете нет таких высоких гонораров, как в "Правде", ни в одном журнале — как в "Коммунисте". Начавшееся в середине 50-х годов непрерывное снижение ставок гонорара не касается печатных органов номенклатуры: там по-прежнему платят из расчёта за один авторский лист /24 страницы на машинке/ 300 рублей, т.е. столько, сколько рядовой трудящийся зарабатывает за четверть года.

Заграничные командировки — второй элемент дополнительного денежного вознаграждения номенклатуры. Почему именно номенклатуры? Потому что порядок выездов в заграничные командировки сводится, коротко говоря, к тому, что вопрос о командировании с начала до конца решает партийный аппарат /при участии КГБ, если речь идёт о командировке в не входящую в состав "социалистического содружества" страну/. Все знают: через расставленные на пути командированного многочисленные фильтры легко проходят только номенклатурщики. Каждая командировка за границу, даже на короткое время, чрезвычайно выгодна. Посмотрите, как неумоимо бегает по магазинам западных стран советские дипломаты, журналисты, специалисты и их жёны, как жёлозно экономят они драгоценную валюту, чтобы купить побольше вещей. При хроническом в СССР и других социалистических странах дефиците на промтовары заграничные вещи — не только предмет необходимости и престижа, они — капитал: их можно с большой выгодой продать. Номенклатурные чины — разумеется, не сами, а через какую-нибудь подружку тётки жены

— нередко сбывают привезённые из-за границы вещи, которые оказываются вдруг "ненужными", "не подошедшими по размеру" или "разонравившимися".

Впрочем, необязательно даже прибегать к услугам подружки тётки. Накиве номенклатуры на заграничных командировках советское государство придало законные формы: во всех странах социалистического содружества открыты валютные магазины. Это — своеобразные заведения. Ни в каких других странах мира — ни в развитых, ни в слаборазвитых — вы не найдёте сети магазинов, ресторанов и баров, где не принимается собственная валюта. Если вы не являетесь счастливым обладателем иностранной валюты или купленных на неё специальных талонов, при попытке войти в такое заведение вам придётся иметь дело с вишибалой.

Такая система заведена, несмотря на то, что, по официальным заявлениям, в Советском Союзе /да и в других странах реального социализма/ нет инфляции, а рубль — самая устойчивая валюта в мире. В начале каждого месяца правительственный орган "Известия" публикует бюллетень курсов иностранных валют — с точки зрения простого советского гражданина, не знакомого с тонкостями международных расчётов, дурацкую таблицу цифр, которые колеблются преимущественно в сторону повышения курса рубля, хотя обменять его ни на какую другую валюту заведомо нельзя: легального обмена нет, а нелегальный объявлен "валютным преступлением" и карается с привычной суровостью — вплоть до расстрела.

А вот номенклатурщик, отправляющийся за границу, знает, что цифры таблицы имеют смысл, и менять рубли на валюту можно. На основе курса он будет получать свои командировочные в валюте, а в Банке для внешней торговли на Неглинной улице в Москве ему по особой справке поменяют по этому курсу какое-то количество рублей; просить он всегда будет максимум, не жалея расстаться с самой устойчивой валютой в мире в обмен на инфляционные буржуазные валюты.

Выгода увеличивается тем, что валюта выплачивается выезжающему на работу за границу не вместе, а наряду с продолжающей начисляться ему в СССР зарплатой /в сокращённом размере, если командированный выехал на длительный срок/.

Казалось бы, номенклатурщик получает более, чем достаточно. Но ему и этого мало. Помимо официально выплачиваемых классом номенклатуры дивидендов с полученной прибавочной стоимости, номенклатурщик норовит урвать себе ещё дополнительные проценты с капитала своей власти. Эти проценты взимаются в форме взяток.

Взяточничество — не монополия какой-либо одной страны или социальной системы. На Западе у всех в памяти скандал со взятками, щедро розданными корпорацией "Локхид". Но есть у взяточничества определённая питательная среда: господство бюрократии. Чем больше бесконтрольная власть бюрократии и чем меньше гласности, тем больше возможности у бюрократических хапуг требовать взятки. Недаром именно в средневековых восточных деспотиях с их разветвлённым чиновничьим аппаратом и полным отсутствием свободной информации бакшиш постепенно пропитал все поры общества. Вместе со многими другими эта традиция восточных деспотий была перенесена на покорённую татарами Русь и прочно там укоренилась. Важно понять: приход к власти класса номенклатуры не ослабил, а наоборот — усилил традицию бакшиша, ибо именно при реальном социализме господство и бесконтрольность политической бюрократии достигают своего апогея, а вместо гласности введено строжайшее засекречивание всякой информации, не могущей быть использованной для пропаганды в пользу реального социализма.

Брать взятки номенклатурщикам, конечно, официально не разрешается, за взятки даже наказывают. Но наказывают редко и мягко, взятки берут номенклатурщики часто и помногу. В классе номенклатуры существует негласная терпимость в отношении взяток. Она особенно очевидна в тех республиках Советского Союза, где исторически традиция бакшиша укоренилась наиболее прочно: в Закавказье и в Средней Азии.

Центром коррупции в Советском Союзе принято считать Грузию. Можно не сомневаться: если бы опубликовать материалы о разнузданной подкупности грузинских номенклатурщиков, составленные в связи со снятием Мжавандзе с поста Первого Секретаря ЦК КП Грузии мир забыл бы о "Локхид".

Но в нашем распоряжении есть лишь некоторые данные по другой, более скромной республике — Азербайджану. Данные достоверны: они взяты из закрытых материалов ЦК КП Азербайджана. Их опубликовал выехавший в Израиль Илья Григорьевич Земцов, работавший в Секторе информации Азербайджанского ЦК. Приведём ряд цифр, показывающих положение в Азербайджане, т.е. не сенсационные вершины номенклатурного бакшиша, а его относительно рядовые размеры.

Почём продавался в Азербайджане /по ценам 1969 года/ пост районного прокурора? Он стоил 30.000 рублей. За эту относительно сходную цену член партии мог при наличии вакансии приобрести такой пост у секретарей райкома партии и стать блюстителем социалистической законности.

Заметно дороже была должность дру-

гого блюстителя — начальника районного отделения милиции. Здесь цена была 50.000 рублей.

За такую же цену можно было стать председателем колхоза: пост, правда, — теоретически выборный, но колхозники, как и все советские граждане, голосуют за кого приказано, так что эта должность — в номенклатуре райкома партии.

Подобная же номенклатурная должность директора совхоза котировалась выше — в 80.000 рублей: она выгоднее и открывает большие возможности продвижения в номенклатуре.

— Постоите! — скажет читатель. — Что значит вообще цена на номенклатурные должности? Что они, в Азербайджане продавались с публичного торга?

Нет, не с публичного, но продавались. За указанную сумму секретари райкома партии оформляли на покупателя номенклатурное дело и утверждали на приобретаемую должность решением бюро райкома. Полученные секретарями деньги становились приятным дополнением к их зарплате и номенклатурным пайкам.

Но зато чтобы стать секретарями райкома, им тоже надо было в свое время раскошелиться, — и гораздо щедрее, чем райпрокурору. Должность первого секретаря райкома КП Азербайджана стоила в 1969 году 200.000 рублей, должность второго секретаря — 100.000. Эти деньги уплачивались секретарям ЦК, так как должности — в номенклатуре ЦК КП Азербайджана.

Посты секретарей райкома выгодные: власть большая, и, как видим, есть возможность получать хороший бакшиш; поэтому они так высоко ценятся. В той же номенклатуре ЦК КП Азербайджана были должности и подешевле: директор театра — по цене от 10.000 до 30.000 рублей, директор научно-исследовательского института — 40.000, звание действительного члена Академии Наук Азербайджанской ССР — 50.000.

А вот место ректора ВУЗа оказалось намного дороже, нежели звание азербайджанского "бессмертного": до 200 тысяч рублей, в зависимости от ВУЗа. Это определяется тем, что в зависимости от ВУЗа же ректор вносил плату за нелегальное зачисление в студенты: в Институте иностранных языков — 10 тысяч рублей, в Бакинском Университете — 20.000—25.000, в Мединституте — 30.000, в Институте народного хозяйства — до 35.000 рублей. Как видите, место ректора действительно стоит 200.000 рублей.

Реалистически обоснованный прецедент был установлен не только для должностей районных руководителей, а также деятелей азербайджанской науки и культуры, но и для самих членов Правительства Азербайджанской ССР.

Пост Министра социального обеспечения оценивался в 120.000 рублей, т.е. дешево: дополнительно накитаться за счет и без того мизерных пенсий и пособий для населения вряд ли представляется возможным. Почти столь же малообещающий пост Министра коммунального хозяйства Азербайджана отпускался покупателю за 150.000 рублей. А вот место Министра торговли, формально равное любому другому министерскому посту, стоило 250.000 — четверть миллиона рублей. В условиях хронической нехватки товаров это место обещает огромные прибыли.

— А не фантазии ли всё это? — спросит недоверчивый читатель. — Откуда все эти цифры?

Они взяты из закрытого доклада тогдашнего Первого Секретаря ЦК КП Азербайджана, а ныне члена Политбюро ЦК КПСС Г. Алиева на Пленуме ЦК КП Азербайджана 20 марта 1970 г.

Как и всегда в номенклатурных интригах, разоблачения эти были связаны со смещением прежнего Первого секретаря — Ахундова. Бывший при Ахундове Председателем КГБ Азербайджана Г. Алиев постарался разоблачить коррупцию режима своего предшественника и под предлогом оздоровления руководства посадил на ответственные посты своих людей. За три года /1969—1972/ в Республике было назначено 1983 сотрудника КГБ на руководящие номенклатурные должности.

Вместо ставленников Ахундова Азербайджаном стали править ставленники Алиева. Изменилось что-нибудь от этого? Конечно, нет. Уже в 1973 году выяснилось, что алиевские гебисты на новых номенклатурных постах точно так же занялись взяточничеством, как и их предшественники. Затем Алиев пошел на повышение в Москву, его сменил Багиров. Приезжие из Баку рассказывают, что стало еще хуже, и тепло вспоминают времена Ахундова.

Да чего иного можно было ожидать? В Советском Союзе давно известно, что в органах госбезопасности номенклатурщики столь же падки на бакшиш, как и в других местах.

А у номенклатуры деньги есть. Так, например, сообщает Земцов, первый секретарь Октябрьского райкома партии города Баку Мамедов, не оставшийся же без денег и в Баку, положил в Москве на сберегательную книжку на имя жены 195.000 рублей — заработок рядового трудящегося за 160 лет.

Конечно, есть в советском обществе отдельные группы и вне этой среды, имеющие большие суммы: это — удачливые грабители, крупные спекулянты и прочие лица, находящиеся в конфликте с Уголовным кодексом. Но они не претендуют на номенклатурные должности, их средства поступают номенклатуре в качестве бакшиша в других

случаях. Так, Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Искендеров установил негласную таксу: за помилование приговоренного к длительному заключению уголовного — 100.000 рублей. Несомненно, что именно возможность получать крупные суммы взяток с уголовников составила основу цен должностей райпрокурора и начальника райотдела милиции, официальный оклад которых окромен: у первого 150—180 рублей, у второго — 200—250 рублей. Ставки взяток различны, но всегда значительно превосходят месячную зарплату берущего номенклатурщика: в 3—4 раза взятка судье, в 10 раз — взятка секретарям райкома. Уголовники не покупают номенклатурных должностей, зато на их деньги номенклатурщики покупают себе новые, более высокие должности.

Таким образом купить номенклатурную должность — там где они продаются, — может только человек из номенклатурной же среды. Это — важная функция номенклатурного бакшиша: она вливается в русло стараний сделать пребывание в классе номенклатуры наследственным.

Вкусная и здоровая пища — предмет постоянной заботы номенклатурщика и обслуживающего его персонала. Когда вы приходите в гости к номенклатурному чину, вас всегда поражает разнообразие и отличное качество продуктов, которые подаются к столу. В номенклатурных же учреждениях — будь то в Москве или на периферии — отличные столовые и буфеты являются неизменным атрибутом, и еда в них — приятный ритуал в жизни номенклатурщика.

В ЦК КПСС спецбуфеты открываются в 11 ч. утра. Они быстро заполняются величественными номенклатурными чинами, которые не преминут сходить туда на второй завтрак. Все продукты в буфетах — высшего сорта, безукорыненной свежести, и стоят они дешево. Правда, порции сравнительно небольшие, но это не по жадности /для номенклатуры разве жалко?/, а чтобы завтрак был легким и номенклатурные чины не полнели. На маленьких блюдахках разложены порции зернистой и кетовой икры, на тарелках — отличная рыба разных сортов: семга, белужий бок, осетрина. Здесь всегда есть знаменитый напиток восточных степей — кумыс /лошадиное молоко/. Простокваша здесь такая, что трудно отличить её от сметаны. Творог с сахаром пахнет свежестью и тает во рту. Словом всё там — самое лучшее, такое, что простому советскому потребителю оно и не снится.

В час дня открывается столовая. Долгое время она находилась на улице 25-го Октября /бывшая Никольская/,

там, где теперь разместился ресторан "Славянский Базар". Если вы, читатель, окажетесь в Москве, зайдите в этот ресторан: сейчас там гремит эстрадный оркестр и шаркают ногами подвыпившие танцующие посетители, — а вы представьте себе это же помещение в дни его величия, когда у большого зеркала в вестибюле стоял охранник КГБ в штатском и проверял пропуска, в залах сновали специально отобранные надёжные официантки, а за столиками неторопливо и уверенно журчали номенклатурные беседы.

Хоть путь от ЦК до улицы 25-го Октября недалёк — всего 10 минут ходьбы — и пройтись в общем приятно, недостаточная отгороженность столовой от окружающего мира вызвала неудовольствие номенклатурщиков. Им было тяжело идти в непривычной для них толпе обычных советских людей, заполняющей днем улицы в районе площади Дзержинского. Как всегда, неудовольствие номенклатуры обволакивалось в форму политической обиды. Начались разговоры, что вот встанет вдруг около столовой иностранный агент, сфотографирует входящих; и пожалуйста — в досье ЦРУ окажутся портреты всего аппарата ЦК КПСС.

Как и следовало ожидать, этот аргумент немедленно возымел действие. В переулке рядом со зданием ЦК, по соседству с картинно вписывавшейся в них переквущкой XVII века, выстроили трёхэтажное светлое здание столовой. Входить туда можно только по пропускам ЦК КПСС, и стоящий около двери охранник из КГБ внимательно их проверяет. Допускаются также по специальным пропускам люди, не являющиеся сотрудниками аппарата ЦК, но выполняющие какую-либо работу в здании ЦК. За час до закрытия туда допускаются

также сотрудники Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Вы входите в просторный вестибюль. Слева газетно-журнальный киоск, а за ним — кассы, где вы будете выбивать чеки на выбранные вами блюда. Справа — гардероб, от касс — дверь в большое помещение спецбуфета, где по недорогой цене обедающие покупают для дома всякие деликатесы, которых в обычных магазинах нет с 1928 года.

На лифте или по выстроенной в отделе модерн лестнице вы поднимаетесь в первый или второй залы: внизу — общий, наверху — диетический. Небольшие столики — каждый на 4 человека. В стороне на большом столе — сосуды с фруктовыми, ягодными и овощными соками, с витаминным напитком шиповник. Здесь вы можете сами наливать себе в стакан, положив пару копеек на стоящее тут же блюдо. По залу снуют распорочные официантки.

Столовая находится прямо напротив

здания Отдела ЦК КПСС по выездам за границу — этого любопытного гибрида партаппарата и КГБ: здесь не только фотографировать, но даже и проходить лишний раз по переулочку мало кому захочется. Обед будет вкусно приготовлен из отличных продуктов. Порции будут опять небольшими, так что берут не два и не три, а четыре-пять блюд. Стоить это будет столько же, сколько стоит плохонький обед из двух блюд плюс кисель в обычной столовой, где в это же время будут стоять в очереди на раздачу трудящиеся в свой обеденный перерыв.

В столовой ЦК обедают не только те, у кого нет "кремлёвки", но и её счастливые обладатели. Почему? Ведь они могли бы отправиться на улицу Грановского, где уж действительно, как говорят в России, нет только птичьего молока /в качестве компенсации выпущены продающиеся обычно только в номенклатурных спецбуфетах превосходные конфеты "Птичье молоко"/.

Осчастливленные "кремлёвкой" номенклатурщики не делают этого. Выше мы уже сказали: если брать по талонам "кремлёвки" обед на дом, то дадут столько, что свободно хватает на всю семью. Поэтому в столовой ЦК вы увидите не только заведующих секторами, консультантов и прочих старших чинов аппарата, получающих "кремлёвку", но и могущественных заведующих Отделами ЦК, которые даже по официальному протоколу считаются стоящими выше Министров СССР. И они, пользующиеся льготами гораздо большими, чем завсектором, предпочитают получать "кремлёвку" пайком, а обедать в ЦК — взирая, разумеется, сверху вниз на угодливо глядящих на них номенклатурных клерков.

Перед концом рабочего дня буфет снова открывается. Однако идут туда те, у кого вечернее дежурство, и технический персонал. Конечно, могут пойти и остальные сотрудники ЦК, но это не принято: все справедливо исходит из того, что дома их ожидает превосходный ужин, и есть перед этим без особой надобности в буфете считается неудобным. Вместо этого они зайдут в другое помещение, которое официально также именуется буфетом, но по существу является хорошо оборудованным продовольственным магазином, и возьмут заказанные ими заранее продукты. Со свёртками этих продуктов они отправятся домой, точно так же, как более высокие чины повезут домой свои пакеты с улицы Грановского.

Несколько поскромнее, но в том же стиле столовые в учреждениях при ЦК КПСС: Высшей партийной школе, Академии общественных наук, Институте общественных наук, Институте марксизма-ленинизма. Меню там, правда, несколько менее разнообразное, но всё ос-

тальное — так же, и цены невысокие.

И совсем уж не надо платить денег за еду в гостинице Международного отдела ЦК КПСС, расположенной в новом здании в Плотниковом переулке, недалеко от Арбата. Если вы там находитесь, то, как иностранные гости, вы можете есть в ресторане гостиницы сколько хотите, пить вино, коньяки и т.д. — и все совершенно бесплатно. Такая же система заведена и в домах гостей ЦК соответствующих партий во всех социалистических странах. Зайдите, например, в Дом гостей ЦК СДПГ в Восточном Берлине — превосходное новое здание, расположенное напротив Märkisches Museum — там вы найдёте всё то же самое.

По этой же схеме налажено питание номенклатуры и на периферии. В столице любой созданной республики, в каждом областном центре вы сможете найти недоступные для населения столовые ЦК накомпартии, крайкома или обкома, которые, хотя не полностью копируют, но весьма успешно подражают столовой ЦК КПСС.

Не будем уж и говорить об изобилии и великолепии питания верхушки класса номенклатуры. Члены этой верхушки получают так называемое "лечебное питание", даже если ни от чего лечиться им не надо. И, разумеется, это питание и для них, и для их семей и для их прислуги и охраны совершенно бесплатно. Здесь не просто "птичье молоко". Здесь, по удачному выражению "Литературной газеты", снимают сливки с птичьего молока.

Мы уже сказали: между жизнью класса номенклатуры и рядового советского населения — пропасть. Глубина этой пропасти вырисовывается очень ясно при сравнении жилищных условий обычного советского гражданина и номенклатурного чина — скажем, взятого нами завсектором ЦК.

Квартирный вопрос для рядового советского человека настолько сложен, что его нерешённость признается даже официально. Из постановлений партии и правительства, речей и статей явствует: всеми благами жизни обласкан советский гражданин, а вот с жильём пока неважно. То есть, конечно, идёт грандиозное жилищное строительство, трудящиеся день ото дня улучшают свои жилищные условия — но провозглашённая в начале 60-х годов задача добиться того, чтобы каждый трудящийся мог жить в отдельной комнате — такая задача ещё далеко не решена.

И верно: не решена. Выше уже упоминалось, что советский трудящийся имеет норму жилплощади 9-12 кв. метров на человека. Как я убедился, на Западе или просто этого не понимают, или воспринимают как гарантированный каждому минимум. Между тем 12 кв.м — не

гарантированный минимум, а жилплощадь сверх нормы раньше попросту изымали, а теперь заставляют оплачивать в тройном размере. Как своего рода минимум — никем, впрочем, тоже не гарантированный — рассматривается площадь в 5 кв.м на человека: в таком случае семья считается нуждающейся в жилплощади и может быть поставлена на очередь, т.е. занесена в крайне медленно продвигающийся "список очередников" в жилотделе райисполкома. Семья, живущая в одной комнате в общей квартире, — всё ещё нередкое явление в Советском Союзе.

Это не относится к номенклатуре. Завсектором ни с очередями, ни о райисполкомами дела не имеет, а получает квартиру в Цекосском доме. Однако и такую квартиру каждый номенклатурщик старается обменять на ещё большую и более удобную. В номенклатурном кругу вы только и слышите, что о переезде — из хорошей квартир в лучшую.

Советские газеты охотно пишут о том, как где-либо рабочая семья "улучшила свои жилищные условия". Тема не новая: помните, ещё сразу после Октябрьской революции рабочие были громогласно переселены в дома буржуазии. В 1920-х годах Маяковский воспел в стихах переезд рабочего в новую квартиру с ванной. Никто, однако, не описывает и в стихах не воспевает переезды номенклатуры, хотя число их явно непропорционально численности этого класса. И растут, растут в лучших кварталах городов отличные дома ЦК, обкомов, горкомов и Советов Министров, издали показываемые зарубежным туристам в качестве новостроек для советских трудящихся.

Дома для номенклатуры воздвигает Специальное строительно-монтажное управление. Дома эти — не типовые скоростройки, которые стали сооружаться при Хрущёве и получили в народе выразительное название "хрущёбы". Это — солидные и изящные строения с мягко скользящими бесшумными лифтами, с удобными лестницами и просторными квартирами. Если вы, читатель, поедете как-нибудь в Москву, посмотрите на комплексы этих домов на Кутузовском проспекте или в районе Кунцево. Стоят такие дома поодиночке, вкрапленные среди других зданий в центральных, но тихих переулках столицы: например, знаменитый дом на улице Грановского напротив Кремлёвской столовой или новый дом на улице Станиславского. А если вы не собираетесь в Москву, а заедете в Восточный Берлин — столицу ГДР, то и там легко найдёте целый городок, как там принято говорить, "der Wolgadeutschen". В том смысле, что живут здесь немцы со служебными машинами "Волга".

Прошли, прошли времена, когда по-

бедившие коммунисты вселяли рабочих из подвалов в квартиры богачей! При реальном социализме снова появились аристократические дома и кварталы, и особо проверенные рабочие допускаются туда, только чтобы делать ремонт в домах новых господ.

Квартиры в этих московских домах большие: не по 2-3, а бывает и по 8 комнат. Если жилец — особенно важный номенклатурный чин, то ему дают этаж, соединив две квартиры, расположенные на одной лестничной площадке.

Завсектором имеет не только квартиру, но и загородную дачу.

Кто может в СССР иметь дачу? Теоретически — каждый гражданин, который получит от райисполкома участок земли для дачного строительства или купит дачу у её владельца с разрешения того же райисполкома /если дача кооперативная, требуется также согласие правления кооператива/.

Этот вполне логичный порядок наполнен однако на практике таким классовым содержанием, которое делает владение дачей доступным лишь привилегированным слоям общества. Райисполком выделяет дачные участки только лицам с высоким общественным положением. При выдаче же разрешения на покупку дачи строго соблюдается принцип, что покупать можно лишь на "трудовые доходы": так как дача под Москвой стоит примерно от 7 до 12 тыс. рублей, райисполком не выдаст разрешения рядовому трудящемуся, для которого эта сумма составляет его зарплату за 6-10 лет; да и действительно он такой суммой для покупки дачи сбережениями из своей зарплаты никогда не наберёт.

Владение дачами — по преимуществу привилегия интеллигенции. Что же касается класса номенклатуры, то ему такая привилегия недостаточна. Нашему завсектору дача предоставляется фактически в бесплатное пользование. Не тратя тысяч рублей /которые у него, в противоположность рядовому трудящемуся, есть/, не занимаясь поисками, конечно же, дефицитных строительных материалов и хлопотами по строительству дачи, а затем по её ремонту, завсектором приедет по обыкновению прямо на готовенькое. Казённая дача предоставляется ему и его семье на весь летний сезон в удобном расположенном и обнесённом высоким забором дачном поселке. В поселке есть отличный продовольственный магазин, очень хорошая столовая, кино, клуб, библиотека, спортивная площадка. Плата за дачу символическая. К просёлку проложено хорошее шоссе, по которому завсектором в своей служебной машине — чёрной "Волге" с номером ЦК — будет ездить прямо со Старой площади.

А зимой он будет уезжать в пятницу после работы в пансионат ЦК. Здесь

ему, его семье и даже его гостям предоставляется целая квартира. Они будут превосходно питаться — тоже по весьма низкой цене, бесплатно пользоваться лыжами и коньками и вечером посмотреть кинофильмы.

Хотя завсектором будет заниматься, как правило, из года в год одну и ту же дачу, он всегда помнит, что дача — не его. Выражается это не в том, что он относится к даче особенно бережливо /наоборот!/, а в том, что он ровно ничего не делает для её украшения. Странное впечатление производят эти дачи: около домов — ни одного цветка, все — только на разбитой рабочей клумбе; никто не забьёт гвоздя, чтобы укрепить доску /дачи, как всегда в России, деревянные/, о необходимости любого, даже мельчайшего ремонта сообщается администрации поселка. Номенклатурщики лежат в гамаках, гуляют, играют в теннис и волейбол, пьют и едят на террасе, идут в кино. Контраст с обычными дачами, где полуголые везрошенные хозяева с утра до вечера копают, чинят, поливают — этот контраст разителен.

И дело не в том, что номенклатурщики сами по себе индивидуально — белоручки. Немало среди них, как уже говорилось, выходцев из крестьянских семей, работа в саду была бы для них, вероятно, удовольствием. Но не положено. Физический труд ниже достоинства членов класса номенклатуры. В этом лишний раз отразилось коллективное отвращение выскочек-номенклатурщиков к работе их прежних классов. И вот выросшие в деревне люди стыдятся взять в руки совок, чтобы посадить цветы, а страстные автомобилисты вызывают служебную машину с шофером.

Есть ли у завсектора собственная дача? Иметь её не принято, так же как и частную автомашину. Формального запрета нет, но это рассматривается как вольнодумство и как неуверенность в своём номенклатурном будущем. Поэтому дачу завсектором приобретёт, но на имя родителей, а автомашину запишет на взрослых детей или на брата. Сам же он будет чист от всякого подозрения в мелкобуржуазных наклонностях и будет стараться, продвигаясь в иерархии, получать всё большую долю коллективной собственности класса номенклатуры.

...Не где-нибудь, а именно в кругу номенклатурщиков довелось мне услышать любопытную мысль: пропасть между ними и обычным советским населением такова, что, начиная с определённого уровня, номенклатурные чины живут как бы вовсе не в СССР, а в некоей спецстране.

Рядовые советские граждане отгоро-

жены от этой спецстраны так же тщательно, как и от любой другой заграничной. И в стране этой, которую можно условно назвать Номенклатурия, всё своё, специальное: специальные жилые дома, возводимые специальными строительными управлениями; специальные дачи и пансионаты; специальные санатории, больницы и поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах; спецстолы, спецбуфеты и спецпарикмахерские; спецавтобазы, бензоколонки и номера на автомашинах; разветвлённая система специнформации; специальная телефонная сеть; специальные детские учреждения, спецшколы и интернаты; специальные высшие учебные заведения и аспирантура; специальные клубы, где показывают особые кинофильмы; специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и даже специальное кладбище.

Номенклатурное семейство в СССР может пройти весь жизненный путь от родительного дома до могилы — работать, жить, отдыхать, питаться, покупать, путешествовать, развлекаться, учиться и лечиться — не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находится номенклатура. Отгороженность класса номенклатуры от массы советских граждан такая же, как отгороженность находящихся в Советском Союзе иностранцев: разница лишь в том, что иностранцев не допускают, а номенклатура сама не хочет общаться с советским населением.

Спецстрану Номенклатурию можно живописать в деталях, но такое описание вышло бы из рамок главы. Поэтому просто проедемся, как туристы в автобусе, по этому своеобразному политико-географическому порождению реального социализма.

Дата открытия Америки, как известно, спорна: то ли открыл её Колумб в 1492 году, то ли викинги на 500 лет раньше, а, может быть, даже древние финикийцы. Гораздо яснее обстоит дело с открытием Номенклатурии. Открыл эту спецстрану Ленин, а в качестве даты открытия можно назвать 25 октября 1918 года. Именно в этот день Ленин вместе с Крупской и своей сестрой Марией впервые явился в подготовленное для него загородное поместье Горки. Усадьба была отобрана у богатого помещика Рейнбота и сделалась первой в истории номенклатуры государственной дачей. У входа в барский дом Ленина торжественно с цветами встретила уже находившаяся там чекистская охрана. А затем счастливые первооткрыватели Номенклатурии пошли по особняку, где им, как пишет советский журналист, "всё было утомляюще непривычно — изысканная мебель, ковры, люстры, на каждом шагу венецианские зеркала в золочёных рамах". Однако Ленин приказал ничего в особняке не менять и поселился во всём этом, видимо, не так уж утомлявшем его ве-

ликоления. Дом он скромно именовал "наша дача", — неудобно же было сказать, "наше поместье" или "наш загородный дворец". Так слово "дача" и закрепилось за воздвигнутыми с тех пор многочисленными палатками номенклатуры.

В 1919 году в письмах к жене Ильич, как мы видели, ещё называл свежесконфискованную дачу "нашей" в кавычках. Но уже осенью следующего года — всё ещё во время гражданской войны — рождавшаяся номенклатура в такой мере вошла во вкус привилегий, что в сентябре 1920 года пришлось образовать так называемую "Кремлёвскую Контрольную Комиссию". Её задачей было изучить вопрос о "кремлёвских привилегиях" /так и было сформулировано/ и, в той мере, в какой будет возможно, ввести их в рамки, якобы понятные любому партийцу. Опубликованно это сообщение было в "Известиях ЦК РКП/б/" 20 декабря 1920 г. — в денёк, вклинившийся между днями рождения Сталина и Бранднера. Ликвидированы же были, разумеется, не привилегии, а, во-первых, сама комиссия и, во-вторых, поместивший это сообщение орган.

XI съезд партии /1922 г./ выдвинул уже более скромную задачу: "Положить конец большой разнице в оплате различных групп коммунистов".

Разосланный в сентябре 1923 года циркуляр ЦК и ЦКК РКП/б/ был ещё скромнее: он лишь протестовал против "использования государственных средств на оборудование квартир" начальства, на обстановку его "кабинетов в учреждениях так же, как и в частных жилищах" и против только "непредусмотренного сметами расходования государственных средств на оборудование дач для отдельных работников". Циркуляр провозглашал, что "необходимый уровень жизни ответственных работников должен обеспечиваться более высокой заработной платой".

8 февраля 1932 года был отменён установленный при Ленине партмаксимум заработной платы, что ликвидировало последнюю преграду для бурного расцвета благосостояния номенклатуры. Был это как раз год страшного голода на Украине. Затем начали не подлежавшими опубликованию постановлениями проводить повышение заработной платы членам рождавшегося номенклатурного класса.

Приведем текст одного из таких постановлений, хранящегося в Советском Союзе и сегодня в Москве, но ставшего доступным исследователю в результате того, что после войны архив Смоленского обкома ВКП/б/ за предвоенные годы оказался в Соединенных Штатах Америки.

"Не для печати. Постановление № 274 Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП/б/ II февраля 1936 г. О повышении заработной платы руководящим районным работникам. Совет Народных Комиссаров Союза ССР

и Центральный Комитет ВКП/б/ постановляют:

1. Повисить с I февраля 1936 г. ставки зарплаты председателям Районных исполнительных комитетов и первым секретарям Районных комитетов Партии для 50% районов до 650 рублей и для остальных 50% до 550 рублей, заместителям председателей Райисполкомов и вторым секретарям райкомов соответственно до 550 рублей и до 450 рублей, заведующим земельным, торговым и финансовым отделами, управляющим районным филиалом Госбанка, завкультуропам райкомов и секретарям райкомов ВЛКСМ соответственно до 500 и 400 рублей.

2. Установить председателям 250 районных исполнительных комитетов и первым секретарям 250 райкомов ВКП/б/ наиболее крупных районов по особому списку, утверждаемому Оргбюро ЦК ВКП/б/, ставки зарплаты в размере 750 рублей; заместителям председателя райисполкомов и вторым секретарям райкомов ВКП/б/ этих районов — 650 рублей.

3. Увеличение ставок зарплаты произвести в пределах утверждённых на 1936 год смет.

Председатель СНК СССР Молотов
Секретарь ЦК ВКП/б/ Сталин".

Так это делалось тогда, и так, несомненно, делается теперь.

С нынешними условиями труда и быта в спецстране мы уже ознакомились, повидали жилые дома, дачи, пансионаты. Взглянем теперь на другой комплекс — на санатории, больницы и поликлиники.

Среди многочисленных курортов СССР нелегко найти такой, где не было бы санатория ЦК партии или Совета Министров — союзного или республиканского. И если даже придётся судьбы или самого завсектором забросит его на совсем уж маленький курорт, вроде моего родного городка Бердянска на Азовском море, то и там ему не придётся унижаться и жить в санатории вместе с обычным людом: и там будет дача горкома партии, где сможет поселиться номенклатурный отдыхающий. Напротив: ни за какие деньги не сможет простой советский гражданин попасть в такие санатории или на такую дачу.

В этих местах отдыха номенклатурщики находятся среди своих. Любопытное и, вероятно, неожиданное для читателя следствие этого — поразительная вольность нравов, процветающая в номенклатурных санаториях. Изображающие из себя в течение II месяцев в году примерных семьянинов, верных жён и непорочных дев, номенклатурные члены обоего пола жадно навёрстывают упущенное. Это разрешается, никаких персональных дел заведено не будет.

Оговоримся, что такова же тради-

ция и в обычных санаториях и домах отдыха. В серии анекдотов "Сказания иностранцев о Московском государстве" есть и такое замечание: "Советские люди деликатны; то, что на Западе называется публичными домами, они именуют домами отдыха". Однако номенклатурные санатории не только не составляют исключения, но интенсивность разгула там выше — прямо пропорционально интенсивности II-месячного ханжества и качеству питания отдыхающих. А питание отличное, и помещение отличное, и много врачей и — что особенно приятно — милостивых медсестёр.

Вообще забота о здоровье — характерная черта номенклатурщика. Послушать его, так он прямо надрыгается на работе. Выразите ему недоумение, что при всём том он отлично выглядит — и вы неизменно услышите грустный ответ: "Внешность обманчива..." В действительности обманчива не цветущая внешность завсектором, а создаваемая им видимость перенапряжения на работе.

Его и его семью обслуживает Четвёртое Лечебное Управление Министерства здравоохранения СССР /прежде оно именовалось Лечсанупр Кремля/. Сам он и его домочадцы прикреплены к Кремлёвской больнице и поликлинике, у них там есть постоянный лечащий врач.

Прага, об этом роскошно выглядящем лечебном комбинате, расположившемся в двух комплексных зданиях — на Калининском проспекте /на углу улицы Грановского/ и в одном из переулков около Арбата — ехидно говорят: "Полы паркетные, врачи анкетные". Врачи там действительно подобраны по пресловутым "политическим качествам", но фактически они и не лечат: в любом сколько-нибудь серьёзном случае они ведут заболевшего номенклатурщика к консультанту. А консультанты — виднейшие советские учёные — медики, члены Академии медицинских наук СССР. Лучшие из них состоят личными врачами правящей верхушки класса номенклатуры. Когда Сталин сфабриковал "дело врачей", то в подземной следственной тюрьме на Лубянке оказался весь цвет советской медицины, потому что он — то и лечил членов Политбюро. Знаниям же "анкетных врачей" старый диктатор не доверял и, заболев в разгаре "дела врачей", остался без врачебной помощи и умер от инсульта, в то время как его лейбврач профессор Виноградов, по его же приказу до полусмерти забитый и закованный в цепи, валялся в подвале Лубянки.

В обычных больницах кроватями заставлены все коридоры, медперсонала не хватает, а кормят так плохо, что без передач от родных прожить нельзя. В Кремлёвской больнице — выписанная из-за границы аппаратура и лекарства /на отечественную технику и фармакологию в таком важнейшем вопросе, как

собственное лечение, номенклатура не полагается/. Питание больных и уход за ними отличные, персонала много, комнаты отдельные.

А номенклатурщики поважнее получают особые комнаты "люкс" и "полулюкс". Как выглядит "люкс" — не знаю, а "полулюкс" описан советским писателем так: "...Полулюкс вмещал кабинет и спальню, балкон, ванную комнату, прихожую с выходом прямо на лестницу, устланную ковровой дорожкой. В этом светлом, просторном обиталище... мягкие кресла, ковры, дорогие статуэтки, тяжёлые позолоченные рамы развешанных по стенам картин".

Обычный советский трудящийся попадает в районную больницу, когда его дело совсем уже плохо. А в сияющие хоромы Кремлёвской больницы номенклатурные чины и члены их семей нередко просто ложатся отдыхать.

Для выздоравливающих и для хронически больных номенклатурщиков есть загородное отделение Кремлёвской больницы, расположенное в лесопарке Кунцево.

Нет нужды говорить, что при малейшем недомогании завсектором отправится к врачу или вызовет его. В начале каждого года он проходит обязательное профилактическое медицинское обследование — так называемую диспансеризацию.

Посмотрим теперь из окна нашего туристического автобуса на следующий комплекс Номенклатурии — транспорт.

Как мы сказали, завсектором может приятно жить, работать и отдыхать, не соприкасаясь с населением СССР. Но всё-таки его спецстрана расположена в СССР. Как же ухитриться не соприкоснуться с туземцами даже при разъездах по огромному Советскому Союзу?

И для этого сделано всё необходимое.

Железнодорожные или авиационные билеты завсектором получает прямо в ЦК. В узком переулке за комплексом зданий ЦК КПСС в невзрачном домике расположен Сектор транспортного обслуживания, относящийся к Управлению делами ЦК. Уже упоминавшийся американский корреспондент Хедрик Смит с наивным западным негодованием передаёт рассказ разоткровенничавшегося интуристовского гида о том, что во всех самолетах, поездах и отелях всегда резервируется определённое количество мест на случай, если вдруг "власти" пожелают ими воспользоваться. Для советского человека это — привычная азбука повседневности: он знает, что существует так называемая "правительственная броня" на самые лучшие места, и пускаются эти места в продажу для обычных граждан не раньше, чем за полчаса до отхода поезда, парохода или самолета, а в отелях часть забронированных мест вообще не занимают, так как отель никуда не отходит, и номен-

клатурщики могут появиться в любой момент. Сектор транспортного обслуживания ЦК КПСС — одно из главных мест, где номенклатура получает билеты на забронированные места.

Западному читателю надо пояснить, что в СССР поезда и самолеты всегда переполнены. Только на Западе я впервые увидел, что можно спокойно подойти к билетной кассе на вокзале и взять билет. В Советском Союзе стоят целыми днями огромные очереди даже у касс предварительной продажи билетов, не говоря уж о вокзале, так что броня на билеты — весьма приятная привилегия класса номенклатуры.

Взглянем на следующий комплекс Номенклатуры — образование.

И тут всё хорошо: не забыты детки номенклатуры.

Вообще говоря, со школой было трудно. После Октябрьской революции было провозглашено, что в Советском государстве будет единая трудовая школа для всех детей без различия. Стремление отделить номенклатурных отпрысков от обычных детей проявилось в момент восхождения сталинской номенклатуры к вершинам власти в конце 30-х годов, когда были вдруг созданы спецшколы. Официально они должны были готовить кадры будущих молодых командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как именовалась тогда Советская армия, но фактически это были привилегированные школы, куда стали принимать по преимуществу сыновей из высокопоставленных, отнюдь не рабоче-крестьянских семей. Девочки из благородных семей стали концентрироваться в нескольких так называемых "образцовых школах", попасть в которые было трудно. Сейчас номенклатурных детей помещают в спецшколы с преподаванием на иностранных языках /английском, французском или немецком/, а детей дипломатов и прочих ответственных лиц, работающих за границей, — в специальные школы-интернаты.

И при переходе в ВУЗ дети достойных родителей могут не смешиваться с толпой рядовых студентов, а остаться в своём кругу. Для этого существует Институт международных отношений в Москве.

Побывайте там — и вы сразу почувствуете культивируемый высокомерный кастовый дух — такой был, вероятно, при паризме в Пажеском корпусе. Имеется ряд закрытых учебных заведений — Высшая партийная школа при ЦК КПСС, Дипломатическая академия, Академия внешней торговли, Высшая комсомольская школа ЦК ВЛКСМ, военные академии, высшие школы КГБ и МВД. В большинство этих заведений принимают уже окончивших ВУЗ и имеющих опыт ответственной работы партийцев. Так плавно осуществляется переход номенклатурных детей к занятию собственных номенклатурных должностей.

Учтено и распространено в кругах

номенклатуры стремление к учёным степеням.

С 1947 года в Москве существует специальная аспирантура, готовящая номенклатурных кандидатов наук: Академия общественных наук при ЦК КПСС. Я был несколько лет членом учёного совета в этой Академии и могу сказать, что ни в одной нормальной аспирантуре в СССР не прилагаются такие усилия, как там, чтобы вытиснуть из аспиранта его диссертацию. У каждого профессора или доцента Академии — столько же аспирантов, сколько их бывает у профессора в обычном ВУЗе, где руководство аспирантами — побочная работа, помимо лекций и семинаров; здесь же это и есть основное занятие /кроме того требуется написать всего одну небольшую статью/. Аспиранты зачисляются решением Секретариата ЦК КПСС по направлению ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов партии. Для них созданы отличные условия: живут они в хорошем общежитии тут же в Академии, питаются в превосходной столовой, получают стипендию, почти равную доцентскому окладу, направляются для сбора материалов по диссертации в длительные заграничные командировки. Всё это совершенно нельзя сравнить с жизнью обычных аспирантов, ютящихся в переполненных общежитиях, бегающих в постную студенческую столовую, получающих маленькую стипендию и, конечно, не помышляющих о заграничье. Диссертации же рядовых аспирантов в среднем лучше, чем у их номенклатурных коллег: всем известно, что диссертации Академии общественных наук легковесны, хотя они всегда принимаются.

Дело не только в том, что аспиранты Академии общественных наук в массе своей менее способны к науке, ибо набираются они не по научным склонностям, а всё по тем же политическим качествам. Дело, вероятно, ещё в большей мере в специфической обстановке, создавшейся в этом заведении для присвоения учёных степеней молодым номенклатурщикам. Рекомендованный партийными органами и апробированный самим Секретариатом ЦК КПСС, аспирант Академии с самого начала знает, что он высочайше признан достойным степени кандидата наук; значит, если он её не получит, виноват может быть только его научный руководитель. В Академии всё время чувствуется, что аспиранты, которые уже автоматически вошли в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС и неминуемо займут ответственные посты в аппарате, сверху вниз поглядывают над отделывающих им диссертации профессоров. Вероятно, так же относились знатные афинские отпрыски к своим педагогам, — рабам. Подобно тому, как фонвизин-

ские Кутейкин и Цифиркин боялись своего знатного ученика Митрофана, побаиваются профессора Академии общественных наук современных недорослей класса номенклатуры.

Зато число сотрудников с учёными степенями составляет 63% аппарата ЦК, а в ЦК нацкомпартий цифра ещё выше — 73%. Так преобразовались члены правящего класса, которые в пору его становления хвастались тем, что "гимназий не кончали".

Отнесённый официально к "прослойке интеллигенции", класс номенклатуры имеет определённые культурные запросы.

В номенклатурных квартирах принято иметь заполненный книжный шкаф, причём заполнять его принято теперь не только сочинениями классиков марксизма, но и выпускаемыми в хороших переплётах собраниями сочинений русских писателей /включая эмигранта Бунина/ и переведённых зарубежных авторов. Трудно сказать, читаются эти книги или относятся к обстановке номенклатурных квартир. Однако они приобретаются, — причём верные своему стремлению к исключительности номенклатурщики выскивают дефицитные издания, получая их через Книжную экспедицию ЦК КПСС. Отличительная черта номенклатурной библиотеки — то, что вы не найдёте в ней ничего сомнительного: давно выброшены сборники речей Хрущёва, номера "Нового мира" 1962—1963 годов с произведениями Солденицына; вряд ли найдёте вы и стихи Б. Пастернака, изданные уже после его смерти. Среди книг нет ни одной, способной вызвать подозрение, что их обладатель имеет какие-либо, как принято говорить, нездоровые интересы.

Доставать билеты в театр номенклатурному чину очень легко: и тут существует правительственная броня на лучшие места. Однако слить театралом в номенклатурной среде не рекомендуется: это считается несерьёзным или свидетельствующим о каких-то сомнительных вкусах и настроениях. Поэтому билетными благами пользуются обычно подростки номенклатурные дети, а также родственники и не дотянувшие до номенклатуры знакомые.

Впрочем последних бывает мало. Понятливые члены правящего класса быстро усвоили в невнятной форме спущенную сверху директиву быть больше в своём кругу и по соображениям охраны партийной и государственной тайны не заводить друзей вне номенклатуры. Поняли и то, что подразумевается не столько формально считающаяся тайной /её номенклатурный чин и так никому не сообщат/, а скрываемая от населения сладкая жизнь номенклатурного класса.

Бросим теперь короткий взгляд на социальное обеспечение в Номенклатурии. И здесь всё обстоит превосходно.

Дети выращены и сами вышли в люди,

т.е. в номенклатуру. Протекли годы, и завсектором отправляется, как принято говорить, на заслуженный отдых. Ему не придётся, как обычному человеку, собирать множество справок и хлопотать в районном отделе социального обеспечения /райсобесе/ о пенсии, высший предел которой — 120 рублей в месяц. Состоится решение Секретариата ЦК КПСС об установлении уходящему персональной пенсии союзного значения — и по-прежнему будет он жить в доме ЦК и ездить в пековские санатории. Военный же номенклатурный чин — генерал будет жить на официально принадлежащей ему даче: генералам выделяются дачные участки, причём, разумеется, не как простым людям — по 8 соток /т.е. 0,08 гектара/ и до одного гектара — в 12 1/2 раз больше. А генерал-полковник, а уж тем более генерал армии /о маршалах нечего и говорить/ будет включён в так называемую "райскую группу" Министерства обороны СССР: ему будет оставлено всё материальное довольствие, персональная машина с шофёром, квартира, дача, порученец — словом, все блага, а никакой работы требовать от него не будут.

Иной из западных читателей снисходительно скажет: "Ну, подумаешь: квартира из 4 комнат, загородный домик, участок земли, автомобиль, жалование 2700 марок в месяц. Всё это и у меня есть. Это не богатство!"

Нет, богатство. Ведь не существует некоей арифметической суммы, с которой начинается богатство. Это — понятие относительное. В сравнении же с массой советского населения то, что получает номенклатурный чин, — богатство.

А главное это — привилегия. Человек — общественное существо, он всегда оценивает свое положение не изолированно, а в сравнении с положением других членов общества. Вы, читатель, спокойно ходите по улицам и не испытываете в связи с этим никаких особых чувств. Но представьте себе, что некое грозное начальство заставит остальных людей ползать на четвереньках, а вам милостиво разрешит по-прежнему ходить: вы будете невероятно счастливы, горды и будете стремиться, как принято говорить в СССР оправдать оказанное доверие.

Мы с вами осматривали Номенклатурию на уровне завсектором ЦК партии — уровне не низком, но и не слишком высоком. А Номенклатурия — страна горная, с той особенностью, что чем выше, тем плодороднее почва, и тем больше произрастает на ней всяческих благ.

Разница между завсектором и зам. зав. Отделом ЦК КПСС бросается в глаза уже при входе в их кабинеты. К завсектором вы входите прямо из коридора, кабинет у него удобный, но небольшой и безликий. У зам. зав. Отделом — просторный щеголеватый кабинет и приёмная с секретаршей /обычно — малопривлекательной и немолдой, чтобы даже тень подозрения не

пала на номенклатурщика; у высших руководителей секретари — мужчины/. Завсектором вызывает дежурную машину с автобазы ЦК; у замзава — персональная машина с прикрепленным к нему лично шофером. Замзав не ездит в пансионат: в его распоряжении — зимняя дача с обслуживающим персоналом. Разумеется, у него и зарплата выше, и талонов "кремлёвки" больше, и квартира ещё лучше. Поднимаем повыше — и там мы находим Первого зам. зав. Отделом. Это уже номенклатура не Секретариата, а Политбюро ЦК. Соответственно и благ ещё больше.

Первый секретарь обкома — полновластный и фактически бесконтрольный сатрап в своей области, а остальные секретари обкома — его ближайшие подручные. У них — не только высокая зарплата, казённые квартиры и дачи, машины, пайки, спецбольницы и спецсанатории, но и мало чем ограниченная возможность пользоваться всеми материальными благами, которые способна предоставить их область, по размеру равная средней европейской стране.

Зав. Отделом ЦК КПСС получает реальных благ, пожалуй, даже меньше, чем эти удельные князья. Но зато он стоит на пороге к верхушке класса номенклатуры. Заведующие крупнейшими отделами являются одновременно Секретарями ЦК КПСС, т.е. входят в группу тех, кто по праздникам машет рукой с Мавзолея и кого народ видит на фотографиях и экранах телевизоров.

Высоко над нашим завсектором стоит зав. Отделом. И даже смерть их не уравнивает: о завсекторе в "Правде" появится извещение в черной рамке или короткий некролог с подписью "Группа товарищей", о зав. Отделом или Первом секретаре обкома будет длинный некролог с его фотографией и подписями членов Политбюро.

Но в остальном покойный завсектором не будет обижен. Не 20 рублей сунет местком вдове на похороны, а будут они приняты на казённый счёт, вереница чёрных "Чаяк" и "Волг" покатыт за катафалком, будут произноситься речи на гражданской панихиде, а затем — на кладбище, и будет литься армянский коньяк на поминках. За пыльным гробом умершего от ожирения сердца номенклатурщика будет, пламенея, рыдать медь оркестра:

Вы жертвовали пали в борьбе роковой,
Служа трудовому народу,
Вы отдали всё, что могли, за него...

И истлеет завсектором не на кладбище для простых смертных, а на специальном — Новодевичьем, где, куда ни ступи, лежат под роскошными плитами останки номенклатурных лиц. Это здесь похоронены жена Сталина — Надежда Аллилуева и её родственники, жена Косыгина, опальный Никита Хрущёв. А безутешная вдова завсектором, усвоившая образ мышления мужа, будет горько сокрушаться, что не добрался он до

той сферы номенклатуры, которую коронят на Красной Площади в Кремлёвской стене. И ещё будет ей завидно, что даже здесь, на Новодевичьем, умершим генералам отдадут последние воинские почести, — а ему нет, хотя ничего в жизни так не любил покойный, как почести и власть.

Как же живут те горные орлы Номенклатуры, которых коронят в Кремлёвской стене и кто машет ручкой с Мавзолея?

— Как миллиардеры в Америке, — ответил мне как-то на этот вопрос приближённый к ним номенклатурщик.

Не подумайте, что они получают зарплату, исчисляемую десятками тысяч рублей в месяц, подобно генеральным директорам крупных западных фирм или президентам корпораций. Секретари ЦК КПСС, и даже сам Генеральный Секретарь, получают оклады в пределах 1000 рублей. Конечно, это не 182 рубля среднестатистического советского трудящегося, но в общем и не так уж сказочно много. Причём здесь миллиардеры?

Дело в том, во-первых, помимо зарплаты и денег за депутатство в Верховных Советах, гонораров и т.п. у всех них есть так называемый открытый счёт в Госбанке СССР. Это значит, что они могут в любой момент получить любую нужную им сумму из государственных средств. А во-вторых, им не нужна вообще никакая сумма денег — ни с открытого счёта, ни из других выплат: они живут в роскоши на государственные деньги, не тратя ни копейки из собственного кармана. Не сравните вы Генерального Секретаря с генеральным директором! Директору надо из собственных — хотя бы и больших — денег оплачивать постройку и обстановку своего бунгало, а секретарю достаточно позвонить по вертушке Управляющему делами ЦК и распорядиться подготовить решение о постройке дома или дачи, потом подписать это решение и через некоторое время въехать в уже обставленное и тщательно охраняемое новое жилище. И жилище это будет лучше директорского бунгало. От сталинских времён сохранились в Москве два интересных дома, в которые уже сейчас можно заглянуть и представить себе, как "они" жили тогда. Потому что нельзя составить себе такое представление по описанной Анри Барбюсом тесной Кремлёвской сторожке, в которой принимал его Сталин, посмеиваясь в усы над этим простофилей.

Один дом — тунисское посольство на Садовом Кольце около Площади Восстания. Это был раньше особняк Берия. Проходить тогда мимо окружающей особняк высокой тёмносерой каменной стены и замурованных нижних окон не реко-

мендовалось, да и не хотелось — так много топталось там мрачных типов в штатском. Поэтому принято было или переходить на другую сторону широкого Садового Кольца, или уж во всяком случае сходить с тротуара. Конечно, и сейчас рядовому советскому человеку зайти в особняк невозможно — из-за тех же типов, одетых теперь не в штатское, а в милицейскую форму. Но если даже вы приглашены туда на приём, ходить по паркету этой анфилады залов неприятно. Здесь происходили омерзительные оргии с доставленными охраной запуганными девушками. В подвале дома Берия лично пытал привозимых ему для этой забавы заключённых: после его надения здесь был найден набор изготовленных для него по специальному заказу и содержавшихся с любовной аккуратностью инструментов. В подвале — несколько тесных камер с тяжёлыми железными дверями, снабжёнными тюремным глазком: тут содержались граждане страны социализма, которых, развлекаясь, собственноручно мучил член Политбюро. Рядом находится ведущий куда-то люк. Он наглухо опечатан: или за ним хранится какая-то ещё более омерзительная тайна, или, как утверждают, там подземный ход в Кремль.

Как бы тошнотворен ни был этот памятник реального социализма, вы не примените отметить про себя, что здесь приходилось не 7 квадратных метров на человека: в доме без труда разместились довольно многолюдное посольство вместе с резиденцией посла.

Второй дом сравнительно недавно стал общедоступен: дом-музей Максима Горького. Барский особняк пролетарского писателя решили после 30-летних колебаний показать публике только потому, что хозяин был, по собственному выражению, мастером культуры или — ещё демократичнее — "мастером литературного цеха", а не членом правящей номенклатурной верхушки. Но отражённым светом излучает Горьковский особняк правду о том, как жила уже в 30-е годы эта верхушка. Гостем в горьковском доме бывал Сталин со своим Политбюро — и ведь не приезжали же они на пару часов расправить плечи после сторожек и тесных квартир в дом безропотно подчинённого им буревестника революции. А дом этот из серого камня — с высоким холлом, с рядом больших комнат — дом, который не снился обычному советскому человеку.

Есть в Москве и дом-памятник первых послесталинских лет — Кубинское посольство в Померанцевом переулке. Маленкову надоел установленный при старом диктаторе для ряда членов Политбюро порядок: две московских квартиры — одна в Кремле, а другая — в доме на улице Грановского, напротив Кремлёвской столовой. Он решил воздвигнуть для себя резиденцию и построил этот огромный

особняк, опять-таки оказавшийся вполне достаточным для посольства с его канцеляриями, приёмными залами и резиденцией посла. Попользоваться особняком Маленкову не довелось только потому, что его прогнал Хрущёв.

Но и в хрущёвские времена верхушка номенклатуры не погрязла в нищете. В своё время, уже при Сталине, до уничтожения ленинской гвардии, был выстроен под Москвой кооперативный дачный посёлок старых большевиков — скромные деревянные домики. Посёлок назвали "Заветы Ильича". То же название, но уже не постно-правовое, а ироническое, получили в народе воздвигнутые вслед за зданием Московского Университета на Ленинских Горах особняки для членов хрущёвского "коллективного руководства".

...Высокая кремового цвета каменная стена, тяжёлые железные ворота. За ними — охрана в военной форме. Дом, расположенный в глубине большого сада, с улицы почти не виден. Останавливаться не стоит — сразу подойдёт "топтун". Но если вы — избранный, ваша машина просигнализирует светом около железных ворот, и они для вас откроются. Вы проедете по саду, сопровождаемый пристальными взглядами охранников, и войдёте в тяжёлую дверь особняка. Он просторен и массивен. Внизу — залы для приёмов; резное дерево, мрамор, зеркала, люстры из горного хрусталя, — всё, как во дворце. На следующем этаже — большие комнаты, в которых тоже свободно можно принимать людей; наверху — спальни. И здесь не 7 кв. м жилплощади на человека. Тут жили руководители партии и правительства при Хрущёве.

А где они живут сейчас?

"Заветы Ильича" на Ленинских Горах опустели: там поставлена теперь тяжеловесная казённая мебель и размещаются высокопоставленные гости из-за границы. Руководители партии и правительства разъехались из особняков по демократическим квартирам. В качестве образцово-показательной использовалась одна квартира, которая, как и подобает, формально сохранялась в тайне, а на деле негласно рекламировалась.

У большого, уже не нового дома ЦК КПСС по Кутузовскому проспекту, № 26, демонстративно стоял милиционер в форме, и около одного из подъездов висел знак, запрещающий стоянку автомашин. Здесь якобы в пятикомнатной квартире якобы жил вместе с женой Викторией Петровной и прочими домочадцами сам Л.И. Брежнев. В многочисленных корпусах дома поселились средней руки работники ЦК, некоторые из них давно уже переведены из партаппарата, и простые советские люди могли бесконтрольно ходить по просторному двору, ликуя по поводу вернувшейся с новым Ильичом эры ленинской простоты.

Всё это действительно отрадно. Только, правда, Л.И.Брежнев там фактически не жил. Квартира была записана за ним, был положенный персонал, бывали и домочадцы Виктории Петровны. Но сам Генеральный, как и другие члены правящей верхушки номенклатуры, жил на подмосковной даче, в районе деревни Усово, а квартира эта для него была как Кремлёвская "сторожка" для Сталина. Кстати, и сама дача в районе Усово принадлежала Сталину. Она известна под названием "Дальней дачи" — в противоположность "Ближней" в районе Кунцево, где Сталин умер. На Дальней даче жил затем Хрущёв, и снимки этого двухэтажного белого дворца с колоннами и балконами, с десятками комнат, были опубликованы во времена Хрущёва в западной прессе.

Госдачи под Москвой находятся в запретных зонах, окружающие их парки огорожены высоченными заборами и строго охраняются. Руководители номенклатуры, твердящие о своей близости к народу, отгородились от него тщательнее, чем любой феодальный шейх. Я уж не говорю о том, как странно советскому человеку видеть в Вашингтоне Белый Дом, куда даже допускаются любопытствующие посетители и где тем не менее действительно живёт президент США. Да что там президент! Сколько раз я слышал перед Зимним Дворцом в Ленинграде изумлённые разговоры и сам удивлялся: неужели царь жил прямо в этом дворце на открытой всем площади? А где же запретная зона, стена, где были дислоцированы части охраны? Таких аномалий в Госдачах — этих современных загородных дворцах — нет, и советские люди это хорошо знают.

На дачах крутят западные фильмы по ночам по сталинской традиции, вызывая ошарашенных доверием и хорошей едой переводчиков из Госкомитета Совета Министров СССР по кинематографии. Впрочем ночи на госдачах вообще протекают веселее, чем полагает рядовой советский гражданин, укладываясь вечером спать на своей жилплощади и заводя будильник, чтобы не опоздать на работу. Обитатели госдач не довольствуются сопением при виде приятных округлостей Мэрилин Монро. Но промолчим: все это — детские забавы в сравнении с развлечениями Берия.

Когда появились госдачи у советского руководства?

Ответ покажется советскому читателю неожиданным: в 1919 году. Именно в незабываемом 1919 году, когда с четвертушкой хлеба на день оборванные красноармейцы шли на смерть за власть Советов, между руководителями партии и правительства были распределены дачи. Произошло это, как невозможно сообщить Светлана Аллилуева, "когда после революции, в 1919 году, появилась у них возможность воспользоваться

брошенными под Москвой в изобилии дачами и усадьбами".

Вот так выглядела, начиная с 1919 года, по описанию С.Аллилуевой, подмосковная дача А.И.Микояна: "...в доме — мраморные статуи, вывезенные в свое время из Италии; на стенах —

старинные французские гобелены; в окнах нижних комнат — разноцветные витражи. Парк, сад, теннисная площадка, оранжерея, парники, конюшня..."

На этой даче "даже зимой всегда была свежая зелень, из собственной оранжереи".

В призывавших пролетариат к самопожертвованию советских газетах того времени тщетно искать сообщение о том, что его вожди обзавелись столь уютными дачками. Советские люди и до сих пор не подозревают, что с благоговением показываемая экскурсантам дача Ленина в Горках была отнюдь не исключением, сделанным для тяжело больного Ильича /да он в 1918 году и не был болен/, а лишь одной из ряда правительственных дач эпохи гражданской войны.

В 20-е годы, когда вожди социалистической революции ещё ходили в косоворотках и — правда, все более неуклюже, — изображали из себя пролетариев, они уже жили вместе со своими семьями, как аристократы-помещики. Слово из тургеневского "Дворянского гнезда" доносится до нас сладостные воспоминания Светланы Аллилуевой:

"Наша же усадьба без конца преобразовывалась. Отец немедленно расчистил лес вокруг дома, половину его вырубил, образовались просеки; стало светлее, теплее и суше. Лес убирали, за ним следили, сгребали весной сухой лист. Перед домом была чудесная, прозрачная, вся сиявшая белизной, молоденькая березовая роща, где мы, дети, собирали всегда грибы. Неподалеку устроили пасеку, и рядом с ней две полянки засеивали каждое лето гречихой, для мёда. Участки, оставленные вокруг основного леса, — стройного, сухого — тоже тщательно чистились; там росла земляника, черника, и воздух был какой-то особенно свежий, душистый..."

Большие участки были засажены фруктовыми деревьями, посадили в изобилии клубнику, малину, смородину. В отдалении от дома отгородили сетками небольшую полянку с кустарником и развели там фазанов, цесарок, индюшек; в небольшом бассейне плавали утки. Всё это возникло не сразу, а постепенно расцветало и разрасталось и мы, дети, росли, по существу, в условиях маленькой помещичьей усадьбы с её деревенским бытом, — косью сена, сбором грибов и ягод, со свежим ежегодным "своим" мёдом, "своими" соленьями и маринадами, "своей птицей".

Это было в то время, когда поселившиеся на дачах вожди гневно клеймили

как "малкособственнические инстинкты" стремление простого человека держать пару кур.

Уже отмеченный нами у Ленина подход с одной — суровой и требовательной — меркой к народу и совсем о другой — к себе и своим близким, — был с готовностью перенят ленинскими диадохами. Да, тогда они ещё не надели мундиров генералиссимуса или изысканных брэнневских костюмов; Сталин ещё ходил в солдатской шинели, Бухарин, по описанию С. Аллилуевой, шлёпал по их даче "в сандалиях, в толстовке, в холщовых летних брюках". Но это был уже маскарад. Вожди рекламировали буровый метод чекиста Макаренко для воспитания детей из народа. А в их дворянских гнёздах росли уже холёные аристократические дети с гувернантками-иностранками и преданными пушкинскими нянями. Это хорошо описано у С. Аллилуевой. Так было не только в центре: дочь заместителя Берия, генерал-полковника Сумбатова-Топуридзе — утончённая Нелли, выросшая на правительственной даче под Баку, рассказывала мне, как гувернантки обучали её иностранным языкам, музыке, балетом и театрально поставленным кавказским танцам.

Однако, и эта жизнь 1920—1930-х годов шла, по оценке С. Аллилуевой, "нормально и скромно". Подлинная роскошь в жизни верхушки класса номенклатуры началась потом. После 1932 года, сообщает С. Аллилуева, "начали строить ещё несколько дач специально для отца. Мама моя не успела вкусить позднейшей роскоши из неограниченных казённых средств.

Вот именно — из казённых средств. Уже тогда, как и сейчас, роскошная жизнь номенклатурной верхушки не связана с её и без того непомерно высокими окладами. Как-то в 1930-х годах московские газеты с умилением поведали, что после демонстрации на Красной площади отстал от своих родителей маленький мальчик, и Сталин спустился к нему с Мавзолея и хотел дать рубль на проезд домой, долго рылся в карманах шинели, но так рубля и не нашёл. Цель публикации была, конечно, показать советским людям, что не только у них, но и у самого Сталина нет ни гроша в кармане. В этом смысле рассказик был ложью: Светлана Аллилуева вспоминает о пачках денег, доставлявшихся ежемесячно Сталину, о том, что ящики его письменного стола на Ближней даче "были заполнены запечатанными пакетами с деньгами". Но сама история правдоподобна. Сталину действительно не было нужды носить в кармане денег: "Денег он сам не тратил, — пишет С. Аллилуева, — их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда, — все это оплачивалось государством". "К его столу везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков

из специальных питомников, грузинское вино специального разлива, свежие фрукты доставлялись с юга самолётом" — и ни за что он не платил ни копейки. Всеми денежными делами ведало в этом случае специальное Управление МГБ СССР. Суммы были огромные: даже начальник охраны Сталина генерал госбезопасности Н.С. Власик распоряжался миллионами от его имени. С. Аллилуева рассказывает о заведённом порядке:

"... всё в доме было поставлено на казённый государственный счёт. Сразу же колоссально вырос сам штат обслуживающего персонала или "обслуги" /как его называли, в отличие от прежней, "буржуазной" прислуги/. Появились на каждой даче коменданты, штат охраны /со своим особым начальником/, два повара, чтобы сменяли один другого и работали ежедневно, двойной штат подавальщиц, уборщиц — тоже для смены. Все эти люди набирались специальным отделом кадров, — естественно, по условиям, какие ставил этот отдел, — и, попав в "обслужу", становились "сотрудниками" МГБ /тогда ещё ГПУ/... "Казённый штат обслуги" разрастался вширь с невероятной интенсивностью. Это происходило совсем не только в одном нашем доме, но во всех домах членов правительства, во всяком случае, членов Политбюро".

В домах и дачах всех руководителей партии и правительства "система была везде одинаковая: полная зависимость от казённых средств и государственных служащих".

Не были забыты и начальственные дети. Вот как жил сын Сталина — Василий, по описанию его сестры Светланы:

"Жил он в своей огромной казённой даче, где развёл колоссальное хозяйство, псарню, конюшню... Ему всё давали, всё разрешали... ему давали ордена, погоны, автомобили, лошадей".

Материальные блага сыпятся на верхушку класса номенклатуры столь щедро и бессчётно, что до неприличия богатеет и обслуживающий персонал. При этом речь идёт даже не о таких приближённых лицах, как описываемая С. Аллилуевой "молоденькая курносая Валечка" — Валентина Васильевна Истомина, последняя любовница Сталина, жившая с ним до самой его смерти

на Ближней даче на амшлуа экономки; наживались /и наживаются сейчас/ вся многочисленная челядь и охрана госдач. А о высших офицерах этой охраны С. Аллилуева пишет:

"У этих было одно лишь стремление — побольше хапануть себе, прижившись у тёплого местечка. Все они понастроили себе дач, завели машины за казённый счёт".

Жили они, по словам С. Аллилуевой, "не хуже министров" и как исключение она называет коменданта одной из сталинских дач, который по своей удивительной скромности до уровня минист-

ра не дотянул, так что лишь "член-корреспондент Академии Наук мог бы позавидовать его квартире и даче".

Поясним, что члены-корреспонденты Академии Наук СССР относятся - вместе с академиками - к самой привилегированной группе советской интеллигенции.

Вот здесь и выясняется, что не совсем прав был приближенный номенклатурщик, сравнивший по жизненному уровню верхушку класса номенклатуры с американскими миллиардерами. Не сыпется на миллиардера столько материальных благ, чтобы верхние чины их охраны жили как министры США.

Да и какой миллиардер, не говоря уже о президенте США или другой страны Запада, может позволить себе роскошь иметь в разных пунктах страны столько резиденций, сколько завёл Сталин, и "которых с годами становилось всё больше и больше..."

Продолжали их строить и после войны. В первом же послевоенном году, когда на огромных пространствах от западной границы страны до Волги были лишь руины, строительство дач развернулось с новой силой. С. Аллилуева сообщает об автомобильной поездке Сталина на юг летом 1946 года, предпринятой им якобы с целью "посмотреть своими глазами, как живут люди". Жили же они в развалинах и землянках. И вот, повествует далее Светлана:

"После этой поездки на юг там начали строить ещё несколько дач, - теперь они назывались "госдачи"... Построили дачу под Сухуми, около Нового Афона, целый дачный комплекс на Риге, а также дачу на Валдае".

Все эти строения и сегодня - госдачи или правительственные санатории. Сталин "строил всё новые и новые дачи на Чёрном море..., ещё выше, в горах. Старых царских дворцов в Крыму, бывших теперь в его распоряжении, не хватало; строили новые дачи возле Ялты". Строились сталинские дачи и на Севере.

"Только под Москвой, не считая Зубалова, ... и самого Кунцева, были ещё: Липки - старинная усадьба по Дмитровскому шоссе, с прудом, чудесным домом и огромным парком с вековыми липами; Семёновское - новый дом, построенный перед самой войной возле старой усадьбы с большими прудами, выкопанными ещё крепостными, с обширным лесом. Теперь там "государственная дача", где происходили известные летние встречи правительства с деятелями искусства".

А кроме того были многочисленные дачи в Грузии: огромная дача на море в Зугдиди; резиденция в районе водного курорта Цхалтубо; были и другие. Сталину и членам его Политбюро надо было бы буквально разорваться, чтобы отлыгать на всех этих дачах. С. Аллилуева вспоминает:

"Отец бывал там очень редко, -

иногда проходил год, - но весь штат ежедневно и еженочно ожидал его приезда и находился в полной боевой готовности", разумеется на государственный счёт.

А как выглядели дачи остальных членов Политбюро? Послушаем снова Аллилуеву: "Дача Берия была роскошна, огромна. Белый дом расположился среди высоких стройных сосен. Мебель, обои, лампы - всё было сделано по эскизам архитектора... В доме было кино - как, впрочем, и на дачах всех "вождей". "Квартира и дача Молотова отличались хорошим вкусом и роскошью обстановки... Дом Молотова... был роскошнее всех остальных". Ворошилов любил шик. Его дача под Москвой была едва ли не одной из самых роскошных и обширных... Дома и дачи Ворошилова, Микояна, Молотова были полны ковров, золотого и серебряного кавказского оружия, дорогого фарфора... Вазы из яшмы, резьба по слоновой кости, индийские шелка, персидские ковры, кустарные изделия из Югославии, Чехословакии, Болгарии - что только не украшало собой жилища "ветеранов Революции"... Ожил средневековый обычай вассальной дани сеньюру. Ворошилову как старому кавалеристу дарили лошадей: он не прекращал верхних прогулок у себя на даче, - как и Микоян. Их дачи превратились в богатые поместья с садом, теплицами, конюшнями; конечно, содержали и обрабатывали всё это за государственный счёт".

Дачи верхних номенклатурщиков действительно ничем не отличались от феодальных усадеб. Они были украшены не только редкостными и дорогими вещами, но и - по примеру родовых поместий - портретами членов фамилий. Так, о Ворошилове С. Аллилуева сообщает:

"... аляповатые портреты всех членов его семьи, сделанные "придворным академиком живописи" Александром Герасимовым, украшали стены его дачи... Деньги "академику" заплатило, конечно, государство". Как в аристократических поместьях, на дачах номенклатурных вождей были созданы ни гроша им не стоявшие обширные библиотеки. С. Аллилуева пишет: "У Ворошилова, Молотова, Кагановича, Микояна были собраны точно такие же библиотеки, как и на квартире у моего отца. Книги посылались сюда издательствами по мере их выхода из печати - таково было правило. Конечно, никто за книги здесь не платил".

А в это время в Москве - да и только ли там! - пожалуй, не было подвала, в котором не ютились бы люди. Сколько раз я бывал в таких подвалах - тесных, сырых, темных, ничем не напоминающих просторные подвальные помещения западных домов...

Руководство любило и оберегало свои госдачи. Рассказывали, что во время боёв под Москвой в 1941 году группа солдат во главе с лейтенантом испор-

тила что-то на даче А. А. Андреева, считавшегося одним из самых непритязательных членов сталинского Политбюро. Непритязательный Андреев приказал расстрелять лейтенанта.

Между тем собственно никакого реального ущерба Андреев не понес: дачи для именитых владельцев восстанавливались так же бесплатно, как и строились. С. Аллилуева вспоминает: "Обширная трёхэтажная дача Ворошилова с громадной библиотекой сгорела дотла после войны из-за неосторожности маленького внука... Но дачу быстро отстроили снова в тех же размерах".

Строительство новых госдач продолжалось и в послесталинские времена. Пожалуй, наиболее известна из них дача в Пицунде, выстроенная для Хрущёва.

Пицундский мыс на Чёрном море, недалеко от Гагры, славится на весь мир своей уникальной рощей древних сосен. В советской печати много писали об огромном научном значении Пицундского заповедника. А потом без дальних слов немалую часть рощи огородили высоким бетонным забором и выстроили большую госдачу с собственной пристанью. Именно здесь я видел в 1959 году, как с подъехавшего белоснежного катера торопливо соскочили двое в штатском и стали почтительно раскатывать по прибрежному песку красную ковровую дорожку; и тут же с катера, выпучив живот, сошёл Хрущёв и важно зашагал по дорожке к даче.

Впрочем, и этим персонажам в штатском по-прежнему живётся недурно. Вдоль дороги, проложенной мимо дачной стены выстроены солидные каменные особнячки. Здесь поселены охранники с семьями; несмотря на все призывы к бдительности, в курортный сезон они сдают у себя комнаты приезжим.

А что за стеной? Вот фрагмент из воспоминаний побывавшего там посла ФРГ в Москве Кролля. "Дача в Пицунде, — сообщает посол, — расположена в великолепном огромном парке со старыми редкостными деревьями. Дача, разумеется, окружена стеной и, очевидно, тщательно охраняется". Особенно понравился Кроллю корпус со спортивными залами, "незадолго до того построенный в самом современном стиле прославленным московским архитектором. Здесь — гигантский плавательный бассейн со стеклянной крышей и стеклянными стенами, раздвигающимися нажатием кнопки. Далее ряд спортивных и гимнастических залов с душевыми и раздевалками — и затем великолепная просторная терраса с видом на раскинувшееся перед ней Чёрное море".

Если даже завсектором ЦК успешно избегает соприкосновения с населением СССР, то верхушка номенклатурного класса отгорожена от него действительно семью заборам.

Ездят руководители номенклатуры

по-сталински — в бронированных машинах ЗИЛ с радио-телефонами, с зеленоватыми пуленепробиваемыми стёклами, и, конечно, в сопровождении охраны в штатском. Из соображений безопасности номера на машинах меняются чуть ли не ежедневно. Автомашин у верхушки класса номенклатуры много. На Западе теперь нередко упоминается брежневская коллекция автомобилей, но есть подобное собрание и у других членов правящей верхушки. У истоков же этого автомобильного великолепия мы находим снова Ленина. Весной 1922 года в его гараже уже стояло шесть машин, и гараж находился, по его собственным словам, "под сугубым надзором ГПУ". Под тем же надзором состоят машины номенклатурного руководства и сегодня. Сталин ездил в сопровождении четырех автомобилей с охраной, при Хрущёве число охранников было резко сокращено. Теперь оно опять выросло. Машины начальства и охраны заправляются высокооктановым бензином на специальных бензоколонках КГБ.

Советские министры летают рейсовыми самолетами, занимая в одиночку всё отделение I-го класса. При этом дверь между I-м и 2-м классами наглухо запирается. Высшие же руководители пользуются специальными самолетами. Для этой цели сформирован "авиаполк особого назначения". Раньше номенклатурное руководство летало из Центрального аэропорта, теперь из аэропорта Внуково-II. Самолеты оборудованы весьма комфортабельно: это — летающая квартира с салоном, кабинетом, спальней и кухней. Я летел однажды в подобном самолете, принадлежавшем даже не одному из верховных руководителей номенклатуры, а всего лишь маршалу Советского Союза, и могу сказать, что самолет очень удобен.

По сталинской традиции охраной номенклатурной верхушки ведает специально для этого созданное Девятое Управление КГБ СССР. При этом слово "охрана" толкуется очень широко: хотя поддерживаемый КГБ за рубежом терроризм им несколько не угрожает, вожди советского народа считают, что они находятся под постоянной смертельной угрозой, поэтому каждый их шаг сопровождается тщательно планируемыми в КГБ мерами безопасности.

Во время своих поездок высшие номенклатурщики не соизволят заходить даже в депутатские комнаты, о праве пользоваться которыми мечтают делегации советских ученых, писателей и прочих защитников мира. "ЗИЛы" и "Чайки" верховного начальства въезжают прямо на аэродром и тотчас везут прилетевших на их дачи и квартиры. А как с багажом хозяев? Ведь, находясь за границей, они не забывают покупать вещи для себя и родственников, хотя по магазинам бегают не сами, а посылают

обслуживающих и подчиненных. Заботу о багаже и оформлении штампов в паспортах при отлётах и прилётах берёт на себя обслуга — приезжающие для этой цели в аэропорт сотрудники Девятого Управления КГБ. Они уверенно распоряжаются в аэропорту, где всюду имеют право доступа. Тягостно было смотреть, как такой распорядитель, приехавший в аэропорт Шереметьево за багажом входившей в состав нашей делегации дочери А.Н. Косыгина, отправив её чемоданы, из милости покровительственно вывел вместе с собой без очереди вице-президента Академии Наук СССР А.П. Виноградова. И вот один из крупнейших учёных страны с робкой благодарностью семенит ослабевшими старческими ногами за важно шагавшим холуём номенклатурной верхушки.

Мы видели, что номенклатурщики средней руки покупают промтовары в валютных магазинах. За границей для верхушки номенклатуры покупают подчинённые или специальные доверенные лица из посольств или торгпредств СССР. А как в Москве?

В Москве им не надо посылать своих челядь в валютные магазины за покупками. В известном Московском универмаге ГУМ /известность эта никак не оправдывается качеством продаваемых там обычному населению товаров/ есть на 3-м этаже так называемая "спецсекция" /официально — секция № 100/, куда имеют доступ только семьи высшего руководства. Здесь продаются по весьма дешёвой цене отличные импортные товары, о существовании которых обычный советский потребитель и не подозревает. Есть, впрочем, и отечественные товары: например, великолепные меха, которые ни в какие открытые магазины СССР не поступают.

С. Аллилуева описывает, как придирчиво спрашивал её Сталин, советские или заграничные вещи она носит, и патристично радовался, когда она говорила, что советские. А я вспоминаю Светлану в 1943—1944 гг., когда мы с ней вместе учились на историческом факультете Московского Университета, и не могу не подумать, что, даже если невиданные для нас тогда её шубка из голубой белки, тёмные английские костюмы, разноцветные шелковые блузки, отличные туфли на низком каблучке и были сделаны на территории СССР, то по существу всё-таки за границей — в горной спецстране Номенклатурии.

Тщётно заводившаяся Сталиным мода на всё русское давно отошла, и нынешние руководители класса номенклатуры вместе со своими домочадцами, не теряясь патриотизмом, носят западные вещи. Только меха по-прежнему советские: как мне рассказывали, Галина Брежнева — любящая радости жизни дочь Генерального Секретаря — охотно пока-

зывала своим гостям на подмосковной госдаче автоматически открывающийся нажатием кнопки шкаф в стене, полный шуб из самых дорогих мехов. Подобные гардеробы советские граждане видят действительно только на кинокадрах из жизни американских миллиардеров.

Есть на дачах и квартирах номенклатурной верхушки и шкафы с книгами. Книг много, но хозяева домов за них по-прежнему ни копейки не платят: издательства политической и художественной литературы по-прежнему посылают им так называемые обязательные экземпляры. Бесплатно ходят они и в театр: в центральную ложу, если идут с высокими иностранными гостями, а чаще — в правительственную ложу, расположенную прямо около сцены слева, напротив директорской ложи. У входа в ложу стоит в таких случаях охрана в штатском, выходить из ложи высшим номенклатурщикам никуда не надо, — при ложах есть спецбуфеты и туалетная комната.

Вырванные пропасть между собой и народом, отгородившиеся от него в страхе и пренебрежении семью заборами и дивизиями войск КГБ, высшие номенклатурщики любят порассуждать о своей "близости к народу" и обзывают "отщепенцами" тех, кто открыто выражает недовольство их режимом. А в действительности не является ли именно класс номенклатуры — этот класс деклассированных выскочек — по самой сути своей и по своему образу жизни классом отщепенцев? Как точнее можно охарактеризовать членов этого класса, ухитряющихся жить, как иностранцы, в управляемой ими стране?

Такова сладкая жизнь класса номенклатуры — господствующего, эксплуататорского и привилегированного класса советского общества.

Мы убедились: для сопоставления с ней жизнь высшего класса буржуазного Запада — неподходящий объект. Неудивительно: при капитализме играют роль не привилегии, а деньги, при реальном социализме — не деньги, а именно привилегии.

Эти привилегии порождают в номенклатуре не только наглость, но и растущий страх: слишком хорошо ей известно, какие чувства возбуждают среди населения привилегии номенклатурных чинов.

С каждым годом приятнее нежащиеся в своих привилегиях номенклатурщики все острее начинают чувствовать себя временщиками и страшиться того, что произойдёт, когда всё это кончится. Выражением такого страха и звучит анекдот, возникший в 1970-х годах в номенклатурном кругу и донесённый корреспондентами на Запад как анекдот

о Брежнев, хотя рассказывают его в Москве о номенклатурном чине вообще.

К работнику ЦК КПСС в столицу приехала мать из колхоза, пожила в роскоши цековского дома и дачи, попотчевалась "кремлёвкой" и поспешно собирается назад.

- Куда же вы, мамаша? - обиженно

спрашивает сын. - Оставались бы подольше, ведь у нас хорошо.

- Хорошо-то хорошо, - отвечает старушка, - да боязно: вдруг красные придут!

По книге М. ВОСЛЕНСКОГО
НОМЕНКЛАТУРА

СУПРУГА ПРЕЗИДЕНТА

Раиса Горбачёва - ближайший советник своего мужа, она образованна, привлекательна, говорит по-английски. В западных средствах массовой информации о ней пишут как о сенсации.

Впервые Раиса Горбачёва была упомянута в декабре 1984 года. Тогда фотография молодой, симпатичной преподавательницы /доцента/ Московского университета им. Ломоносова обошли весь мир. Было известно, что Раиса Максимовна Титоренко родилась в 1932 году в г. Рубцовске, в Сибири. Её отец был инженер-железнодорожник. Было и немало выдумок. Например, утверждали, что она дочь сестры А. Громыко, что она татарка по национальности и её отец вовсе не Максим, а Махмуд, что её отец при Сталине был сослан. Все эти слухи Горбачёва опровергла.

Зато достоверно известно, что дочь Горбачёвых Ирина - врач, и что её супруга зовут Анатолий /его фамилию в печати не упоминают/. У Горбачёвых две внучки, одну из которых зовут Оксаной.

Михаил и Раиса познакомились в ранней молодости. Ему было 15, ей - 13 лет. Раиса закончила среднюю школу с золотой медалью, Михаил - с серебряной. Оба учились в Московском университете: он - на юридическом факультете, она изучала философию. Рассказывают, что у Раисы хватало поклонников, но всех их затмил будущий Генеральный секретарь и нынешний президент. В 1954 году в столовке общепития Горбачёвы отпраздновали свою свадьбу,

на которой присутствовало 30 друзей.

Зарубежные наблюдатели по-разному оценивают вкус Раисы Максимовны. В Париже считают, что она элегантна, но не утончённа. Супруга президента избегает экстравагантных нарядов. Как правило, над её нарядами работает дизайнер московского Дома моделей Тамара Макеева. "Шпигель" писал, что ко встрече на высшем уровне платье для Горбачёвой изготовил миланский мастер Боссо фон Гребнер.

Английская пресса сравнивает Горбачёву с актрисой Во Дрейк и подчеркивает, что супруга президента соединяет русскую традицию с современными тенденциями в моде.

Во время любого визита за каждым шагом Р. Горбачёвой следят репортёры. Так, английские читатели узнали, что Раиса Максимовна не проехала осматривать музей Карла Маркса, как это было предусмотрено программой, а вместо этого осмотрела драгоценности королевского дома в Тауэре и домик Шекспира в Стратфорде, а в магазине приобрела себе сумочку и костюмчик для внучки. Придя в восторг от серыг Маргарет Тэтчер, Раиса Максимовна обратилась к известному лондонскому ювелиру Картье. Точно известно, что у Раисы Максимовны четыре шубы, три из которых она одевала в Вашингтоне. На Западе нередко цитируют слова М. Горбачёва: "Эта женщина обходится мне дорого. Не только в смысле денег, но и в смысле заботы".

"ЛАУКУ АБИЗЕ"

Идет I Съезд народных депутатов СССР.

Вдруг вбегает мужчина с автоматом в руках.

- Кто здесь Борис Ельцин?

Зал дружно показывает в сторону Ельцина.

Мужчина снимает предохранитель.

- Боря, пригнись!

Семейный скандал в доме Брежневых.

- Ну и дуб же ты, Леонид Ильич!

- Да, мы, коммунисты, все - твердой породы!

Чтобы окончательно определиться, Горбачев предложил делегатам II Съезда народных депутатов СССР сделать следующее: кто за социалистический путь развития - пусть сядет направо, кто за капиталистический - налево.

Все делегаты расселись в соответствии со своими взглядами, и лишь один Собчак между двух стульев мечется.

- А вы что, еще не определились? - спрашивает Горбачев.

- Да так вот получилось, - отвечает Собчак.

- Тогда идите к нам, в Президиум, - говорит Горбачев...

После похорон Черненко в Кремле раздался звонок.

- Алло, вам генсеки не нужны?

- Вы что, товарищ, дурак?

- Да, и дурак, и старый, и больной!

Спрашивают у Лигачева:

- Как вы относитесь к красно-бело-красному флагу?

- Положительно, очень хороший флаг. Но у меня есть одно предложение: в левом верхнем углу разместить серп и молот... (и после паузы) и белую полосу убрать.

Ответственный за выпуск - Безручко А.И.

Подписано к печати 7.06.90 формат 60*84/15 бумага № 3 объем 2,5

Тираж 30 000 экз. Заказ № 32. Цена - 2 руб.

Отпечатано на роталпринте НАПИ "БЕЛОРУССКАЯ ЗВЕЗДА".

НАПИ "БЕЛОРУССКАЯ ЗВЕЗДА": МИНСК, 220116, а/я 385.

